

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ГОЛУБЫЕ
ГЛАЗА

Зинаида Николаевна Гиппиус
Голубые глаза
Серия «Я простил», книга 2

Аннотация

«– Тетя Лиза, почему ты скучная?

Вытерев о передник руки, запачканные в земле (цветы еще не все рассажены, а уж становится жарко), Аня присела на скамейку, рядом со смуглой молодой женщиной, и старалась заглянуть ей в глаза. Высокий эвкалипт бросал на них прозрачно-серую тень. В садике виллы «Мари», на скале, над самым Теулем, много этих могучих деревьев без коры, точно голых; но тень их – плохая защита от южного солнца. Море внизу лежало большое, ленивое, как будто и ему надоела жара и собственный блеск...»

Зинаида Гиппиус

Голубые глаза

...Я все простил...

– Тетя Лиза, почему ты скучная?

Вытерев о передник руки, запачканные в земле (цветы еще не все рассажены, а уж становится жарко), Аня присела на скамейку, рядом со смуглой молодой женщиной, и старалась заглянуть ей в глаза. Высокий эвкалипт бросал на них прозрачно-серую тень. В садике виллы «Мари», на скале, над самым Теулем, много этих могучих деревьев без коры, точно голых; но тень их – плохая защита от южного солнца. Море внизу лежало большое, ленивое, как будто и ему надоела жара и собственный блеск.

– Ты что же молчишь? – настаивала девочка. – Я ведь вижу, – скучная. О чем-то думаешь... Скажи скорей!

– Да, Аннюся. Я думаю... Подожди, я еще сама не знаю, как сделать, как лучше.

Лиза давно говорила со своей «сироткой», как с большой; ей даже казалось, что всегда так было, но, конечно, нет: Аннюсю, дальнюю племянницу, взяла она «в дочери» еще двухлетнюю, еще когда сама была совсем молоденькая. Сейчас Аннюся была девочка уже высоконькая, тонкая, как веточка, с лицом таким серьезным, что даже беспокоила эта серьез-

ность. Беспokoили и глаза: слишком чисто-голубые, слишком большие на узком личике.

Привычным немигающим взором девочка смотрела на Лизу, ждала.

– Тут один человек приехал, Аннюся. Он недалеко, в Канах. Нездоров. Он не знает, что я здесь, а, верно, был бы рад, если к нему поехать. Вот я и раздумываю, поехать или нет?

Голубые глаза шире открылись от удивления. Больной? Будет рад? О чем же она раздумывает? Но Лиза поспешно продолжала:

– Это, Аннюся, не просто знакомый, а то, конечно... Это мой бывший муж. Я о нем не говорила, как будто он умер, но он не умер, а мы давным-давно разошлись. Ты еще крошка была.

– Значит, ты его разлюбила? – сдвинув брови, сказала Аннюся.

– Нет, нет! И он меня не разлюбил. Только я не могла... Ну, это долго рассказывать. Так вот: он тогда в Берлин переехал, место у него там было хорошее. Я, конечно, все о нем знала, радовалась за него. Два года тому назад встретились мы случайно, на улице, он по делам в Париж приехал... Он тогда на немочке недавно женился...

– Как женился? – прервала Аннюся. – А ты говоришь... Значит, разлюбил тебя?

– Нет, Аннюся, совсем не значит. Так прямо нельзя судить о людях, люди сложнее. Я, было, порадовалась за него, что и

женился, а когда встретились, вижу – и это ни к чему. Это – так, а он все равно не счастлив. Но хоть жизнь удачно складывалась, и то хорошо. А теперь, оказывается, и жизнь перевернулась. С немочкой, или с родителями ее, у него что-то вышло; развелся; потом потерял место, заболел, в клинике полгода лежал. Верно, не совсем еще и оправился. Вернется ли в Берлин, – уж не знаю...

Аннюся произнесла сурово, тоном твердым и решительным:

– Нет, тетя. Ты плохо рассказываешь. Ничего не могу понять. Мне дико это. Человек больной, несчастный, будет рад тебе, – а ты не знаешь, навестить ли его? Сама же его покинула. Да он гадкий, что ли?..

– Хороший, Аннюся. Не я только, – все его любили. И папа твой покойный тоже, очень... – прибавила она тише и будто нечаянно.

Нежное лицо Анньюси вспыхнуло. Рассердилась. Но сдержала себя и проговорила еще тверже: «Теперь пора завтракать. Потом, после, ты мне расскажешь это, как следует. Просто невозможно!».

В тот же день, к вечеру, оне спустились вниз, в маленькую пустынную бухточку под акведуком, – купаться. В теплой волне Аннюся развеселилась, но когда оне, одевшись, легли на нежные гальки отдохнуть, опять задумалась. Примолкла и Лиза. Утренний разговор ее почему-то смущал. Начала его и не кончила; и не знает теперь, нужно ли расска-

зять все, до самого конца? Впервые пришло в голову: уж права ли, обращаясь с девочкой по-равному, в полной правдивости? Это ее пунктик, идея, что никому правда не может повредить. Но Аннюся не по летам серьезна, подчас неожиданно глубока, – хороша ли эта ранняя мудрость? «Объясню главное, она поймет. А про Костю... зачем, может быть, и не надо».

– Ты спрашивала, Аннюся, почему я Ваню Калитина, мужа моего, любила, а все-таки от него ушла? Это с виду и, правда, непонятно, потому что он хороший, и меня очень любил. Но, видишь, он мне не верил. Подумает, например, что я против него что-нибудь сделала, и сколько я ни говорю – нет, неправда, – не верит. Верит себе, а про меня думает – лгу...

– И сердится? – взволнованно произнесла Аннюся, приподнялась, села на песке.

– То-то, что нисколько. Готов все простить и прощает, от чистого сердца. Не видит только, что не за что прощать, про меня думает – лгу. Ложь тоже прощает, а что нет ее никакой – не видит. Вот я и решила...

– Тетя Лиза! – вдруг закричала девочка в неистовом волнении. – Я знаю! Я знаю! Катя Кудрина... я тебе не говорила... когда я хотела пропасть...?

– Как, пропасть? При чем Катя?

Испуганная Лиза тоже приподнялась. Спеша, захлебываясь, Аннюся объясняла:

– Катя, ты знаешь, Кудрина, мы такие ужасные, такие ужасные были подруги, она мне сказала один секрет громадный, мне одной, и чтоб навеки хранить. И вдруг через сколько-то времени, говорит – Маня Волкова знает, это ты сказала. Я говорю – нет, нет, неправда! А она свое: я не сержусь, я тебе простила, будем по-прежнему, а только неправда, что ты не сказала, ты сказала. Я уверяю, плачу (я еще маленькая была, прошлой-то весной!), она тоже заплакала, а верить не может. Тогда я ужаснулась и решила пропасть. Уйти, ну, просто по дороге, от всех. Питаться – что подадут, или так...

– О, глупая девочка моя! И от меня уйти? И тебе не стало стыдно...

– Тетя Лиза, ведь я же маленькая была! И все-таки не пропала же! Не то что стыдно... а просто ужасно я Катю пожалела. Мне-то, хорошо, я знаю, что не виновата, а ей-то как-ово? Тогда решила: не пропаду, а тоже ей прощу, если она не может верить.

– Простишь?

– Ну да, тетя, не мешай. Сказала ей в распоследний раз: Катя, я не виновата, ей-Богу не лгу, но если ты не веришь, лучше хочешь простить, – так пусть. И будет по-прежнему. Вот, тетя, и все.

– И вы стали по-прежнему? Совсем?

– Не знаю. Сначала вроде как по-прежнему. Ведь очень же, тетя Лиза, несправедливо, обидно мне. А вспомню, что жалко ее, тогда опять ничего, пусть.

– И ничего мне не рассказала!

– Это же секрет был, тетечка, наш с Катей вдвоем. Теперь уж ничего, можно. Да я забыла, сейчас только вспомнилось. Конечно, я была маленькая...

Оне обе замолчали, – Аннюся погрузилась в собственные воспоминания, а Лиза старалась разобраться, понять, чем детский рассказ Аннюси ее так растревожил: «Главное, я ее совсем не знаю! Пропадать хотела, а я, рядом, словно чужая, – ни о чем не догадывалась!».

Аннюся, сжав губы, думала, сцепляла мысли, сцепила и сказала последнюю: «Значит, тебе его жалко не было?». Сразу поняв, Лиза ответила: «Нет, было...». Но, хотя ей тут же пришло в голову, – не себя ли больше, все-таки? – громко этого не прибавила.

Снова оне помолчали.

– Я, пожалуй, съезжу к нему завтра, – проговорила Лиза, наконец.

– И я, тетечка, и меня возьми! Хорошо? Хорошо?

Аннюся оживилась, засмеялась, вдруг забыв все, кроме ребяческого любопытства, интереса к новоявленному тетиному «мужу»: сколько времени не было его, – и внезапно оказался! Поедут в Канны... тетя непременно должна взять ее с собой, непременно!

А Лиза совсем перепугалась. Господи, и зачем было начинать этот разговор, эти объяснения? Аннюся отлично поняла, что надо было понять; вон у ней, оказывается, тоже свой

«опыт»... Но истории с подружками, желание «пропасть», детская обида, по-своему преодоленная, – это одно; а настоящая жизнь... Впрочем, о Ване Калитине и о себе, – Лиза сказала правду. И все-таки она не хочет, чтобы Аннюся с ним встретилась. Если не рассказать ей еще чего-то, – будет обман; а как рассказать, что от неверия, ненужным прощением прикрытого, в самом деле пропал, погиб человек, память которого Аннюся так свято чтит, – отец? «Это ей отравит душу. И Ваню она возненавидит».

Поднимаясь на виллу, Аннюся продолжала еще говорить что-то весело о завтрашней поездке, вспоминала как будто и разговор, и Катю... Лиза не слушала. И, всмотревшись в ее лицо, Аннюся примолкла.

Кошмарная ночь! Всячески решала Лиза: ничего не скажет, поедет одна. Расскажет своей «сиротке» – и не поедет совсем. Никогда. Чтобы «пропасть», для него окончательно...

А вышло все по-другому.

Маленький автомобиль знакомого теульского лавочника довез их обоих до ближайшего предместья Канн, до Бокки: там, только по новой эспланаде пройти, всегда пустынной, сейчас и городской сад. Жарко, но не очень: легкие тучки то и дело закрывали солнце. Сад уже виднелся, когда Лиза, все время молчавшая, повернула к эспланадной скамейке, над самым морем и села. Ничего, кроме моря с широкими муаровыми полосами, тихо шелестящего, перед ними не было.

– Аннюся, послушай. Ты непременно хотела со мной к Ване поехать; но я тебе про него не докончила. Ты знаешь, какой он... правде не мог верить. Так вот, он и Косте... папе твоему... тоже не верил. Думал, что лжет. Прощал и ложь, и вину, а ни вины, ни лжи не было. Понимаешь?

Голубые глаза смотрели прямо в Лизины. Еще бы не понимать!

– А папа твой так сильно любил Ваню, так сильно, – продолжала Лиза, передохнув, – и так было это ему больно, обидно и вынести не мог. И умер. Из-за этого, – прибавила она с суровой отчетливостью, чтобы уже все докончить. – Из-за Вани Калитина, своего брата двоюродного.

Лиза уже не думала о том, права или нет, открывая это девочке, отдавая дальнейшее и себя, может быть, в ее волю. Верно, нельзя иначе, если сделалось так.

Море посерело. Потом опять вспыхнуло нестерпимыми блесками, чтобы опять, на мгновение, погаснуть. Направо спокойно золотилась падающая линия далеких туманных гор. Минутка прошла? Или сколько прошло времени?

– Пойдем, тетя Лиза. – Аннюся встала и взяла Лизу за руку. – Пойдем.

И оне пошли. Миновали тенистый, свежий сад. Там, как раз за ним, – неуютный пансиончик-отель «Атлантида». С неуютным, косым и полуголым палисадником. Аннюся толкнула калитку. В палисаднике никого не было. Только у веранды, на низко раскинутом кресле, полулежал кто-то в бе-

лом. Не взглянул, не двинулся; но когда оне подошли ближе, повернул голову и вдруг вскочил. Очень худой, или исхудавший: белый пиджак висит мешком, на темном лице – впадины.

– Ваня, – тихо произнесла Лиза и протянула руки.

Но он не взял рук; стоял, смотрел, будто еще не совсем понимая. Аннюся подошла совсем близко:

– Что же ты, здравствуй, дядя Ваня! Мы к тебе приехали, это тетя Лиза, а я – Нюся. Мы приехали... Мы приехали...

Начала громко, спокойно, решительно, – и вдруг голос у нее сорвался: Калитин неожиданно, порывистым движением, обнял ее, и Аннюся заплакала, по-детски громко, уткнувшись в костлявое плечо. Но это была всего крошечная минутка: тотчас же, подняв голову, девочка твердо договорила свое, то, что хотела и решила сказать:

– Мы приехали... чтоб тебе, дядя, тоже все, все простить. Пусть, ты только не обижайся, хорошо? И пусть все будет почти как по-прежнему, хорошо? Хорошо?